
УДК 811.512.151:81+81'37
DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-89-98

Зоонимы, обозначающие оленевых в алтайской лингвокультуре

Н. Р. Ойноткинова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Аннотация

Цель данной статьи – выявить лингвокультурные особенности зоонимов, обозначающих представителей семейства оленевых в алтайском языке. Впервые на материале художественных и фольклорных текстов, полевых материалов автора рассмотрены фонетические, диалектные, лексико-семантические и прагматические особенности зоонимов. В художественном творчестве алтайцев животные из семейства оленевых стали зооперсонажами, эталонами сравнений и метафорических иносказаний. В охотничьем фольклоре представителям семейства оленевых придается сакральное значение: они считаются священными животными, олицетворением духа-хозяина Алтая. В различных текстах выделяются денотативные признаки зоонимов, объясняющие особенности строения тела или окраса, места обитания этих животных. В языковом сознании носителей алтайского языка и культуры олень и лось ассоциируются с мужской силой и отвагой. Коннотативные значения зоонимов выражают оценку морально-этических качеств человека. Некоторые из зоонимов участвуют в концептуализации пространственных и временных понятий: хрононимов и топонимов, указывающих на место обитания и время охоты на этих животных.

Ключевые слова

алтайский язык, зооним, зооморфизм, денотативное значение зоонимов, коннотативное значение зоонимов, семейство оленевых, языковая картина мира

Благодарности

Исследование выполнено по проекту Российского научного фонда № 23-28-10028 «Языковая картина мира алтайцев: лексика фауны Горного Алтая»

Для цитирования

Ойноткинова Н. Р. Зоонимы, обозначающие оленевых в алтайской лингвокультуре // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47). С. 89–98. DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-89-98

Zoonyms denoting deer in the Altai linguistic culture

N. R. Oinotkinova

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the linguistic and cultural specificity of zoonyms denoting reindeer family members (sygyn 'deer, deer' and bulan 'elk') in the Altai culture. A case study of artistic and folklore texts and field materials allowed the phonetic, dialect, lexical-semantic, folklore, and ethnographic features of zoonyms denoting deer animals in the Altai language and folklore to be identified for the first time. The cultural stereotypes of the Altai people about deer are closely related to hunting customs and traditions. In hunting folklore, reindeer family members have a sacred meaning: they are considered sacred animals of Altai, the personification of the master spirit of Altai. In this context, a complete system of prohibitions and taboos has been formulated within the realm of hunting ethics. In the

© Н. Р. Ойноткинова, 2023

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 3 (iss. 47)

fiction of the Altai people, the deer and elk became animal characters of hunting stories and are also used for comparisons and metaphorical allegories about humans. In folklore and artistic texts, the denotative features of zoonyms characterize the features of the body structure or color, the habitat of these wild animals. The connotations associated with these zoonyms serve as a reflection of a person's moral and ethical character. In the linguistic consciousness of native speakers of the Altai language and culture, deer and elk are associated with male strength and courage. The participation of zoonyms-reindeer in the conceptualization of spatial and temporal concepts is presented in chrononyms (sygyn ai 'month of deer') and toponyms indicating the habitat of moose and deer (for example, Bulandu 'with moose').

Keywords

Altai language, zoonym, zoomorphism, denotative meaning of zoonyms, connotative meaning of zoonyms, deer family, linguistic picture of the world

Acknowledgments

The study was carried out under the project of the Russian Science Foundation, No. 23-28-10028 "Linguistic picture of the world of the Altaians: vocabulary of the Gorny Altai fauna"

For citation

Oinotkinova N. R. Zoonimy, oboznachayushchie olenevykh v altayskoy lingvokul'ture [Zoonyms denoting deer in the Altai linguistic culture]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2023, no. 3 (iss. 47), pp. 89–98. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-89-98

Введение

Языковые стереотипы отражают заключенную в языке интерпретацию действительности. Под стереотипом понимается «представление о предмете, сформировавшееся в рамках определенного коллективного опыта и определяющее то, что этот предмет собой представляет, как он выглядит, как действует, как воспринимается человеком и т.п., в то же время это представление, которое воплощено в языке, доступно нам через язык и принадлежит коллективному знанию о мире» [Бартминьский, 2005, с. 68]. Культурные стереотипы, отражающие представления носителей языка, запечатлены в различных языковых клише и текстах. «Показателями стереотипизации являются: повторяемость характеристики предмета в различных высказываниях, что можно исследовать статистически, а также закрепление этой характеристики в языке, а именно в значениях слов, о чем мы можем судить на основе анализа словообразовательных производных (дериватов), метафор, фразеологии, пословиц и поговорок, а также правил построения семантически связного текста» [Там же, с. 169]. Лексические значения слова (денотативные и коннотативные) непосредственно определяют объективным и субъективным видением мира.

Цель и материал исследования

Цель данной статьи – выявить лингвокультурные особенности зоонимов, обозначающих представителей семейства оленевых в алтайском языке. К семейству оленевых, или оленьих, относятся парнокопытные млекопитающие: косули, маралы, олени, лоси. Лексико-семантическая группа оленевых в алтайском языке является малоизученной темой.

В работе применялся сравнительно-сопоставительный метод, а также методики семантического, контекстуального и компонентного анализа. Семантический анализ слова предполагает определение элементарных смыслов, денотативных и коннотативных значений лексемы. Новизна нашего исследования заключается в рассмотрении семантических признаков зоолексем в контексте языка и фольклора алтайцев. Материал исследования отбирался из опубликованных текстов и словарей алтайского языка, а также из неопубликованных, полевых материалов, собранных в Республике Алтай по проекту РНФ № 23-28-10028 «Языковая картина мира алтайцев: лексика фауны Горного Алтая».

При выяснении лексических значений зоонимов в алтайском языке мы опирались на различные словари, грамматики и труды других исследователей. В тюркологии одной из важных является статья А. М. Щербака «Названия диких и домашних животных в тюркских языках» [1961], в которой даны этимологические и сравнительно-сопоставительные сведения о наименованиях животных в тюркских языках. Названия животных наряду с другими лексико-семантическими группам в целях реконструкции лексики для пратюркского состояния представлены в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» [2001]. Охотничий промысел в прошлом занимал важное место в традиционной культуре многих кочевых и полукочевых народов, в том

числе и алтайцев. Подробное описание охотничьей практики у алтайских тюрков представлено в работе Л. П. Потапова «Охотничьи поверья и обряды у алтайских тюрков [1929]. Он отмечал, что охота у алтайцев имеет «религиозное наполнение» и это занятие для них «представляется священным» [Потапов, 1929, с. 123]. В настоящее время охота отошла на последний план, поскольку ведущую роль играют фермерские хозяйства по разведению маралов. Охотничьи верования и фольклор даны в коллективной работе «Обрядность в традиционной культуре алтайцев» [2019].

Исследование

Многие поведенческие установки и правила во время охоты восходят к мифу о том, что в горах хозяевами являются духи, поэтому всё живое принадлежит им, следовательно, результат охоты зависит от расположения горных хозяев. Если охотник едет охотиться на крупного зверя, например, на маралов, то не следует стрелять в мелких зверей, чтобы не вспугнуть крупных. Другие считают, что, если по пути на охоту встретишь зайчика, то нужно начать охоту, так как это животное дал сам дух-хозяин гор и таким образом он смотрит, не пренебрегает ли охотник его подарком.

Охота носит сезонный характер. К сентябрю упитанность копытной дичи определялась как очень высокая, а к первым холодам зверь покрывался подшёрстком. Считалось, что в этот период мясо и шкура имеют наивысшее качество. В это время начинали охоту на копытных: маралов, косуль, лосей, сибирских диких козлов (*теке* – самец, *юнма* – самка), горных баранов аргали (*кочкор* – самец, *аркар* – самка). Охотники устраивают облаву (*агырту* ‘облава’). Некоторые охотники для этого используют своих собак, что утверждается в пословице: *Андап барзан, акча алба, андаар алдында ийт азыраба* (Посл.) ‘Собираясь на охоту, денег не бери, перед охотой собаку не корми’ [АПС, 2018, с. 72]. У охотников существовали стереотипные запреты, направленные на экологичное использование природных ресурсов, а также связанные с верованиями. Многие охотники в беседе отмечают, что они соблюдают все охотничьи традиции: *Бис тайгага андап барзас, обязательно кыйра буулап жадыс. Айдынып, алканып жадыс. Берзе – берер, бербезе – бербес. Жол узун, аттарды амырадып туруп, бар жадыс. Эртезинде андап баиштан жадыс*¹ ‘Когда мы на охоту едем, [охотник] обязательно повязывает ленточки. Про себя говорим, благословения просим. Даст [дух-хозяин горы] – даст, не даст – не даст. Дорога длинная, лошадям давая продоху, дальше едем. Утром охотиться начинаем’². Как считают охотники, кормление духа огня – один из важных ритуалов: «Прибыв на место охоты, алтайцы разжигают огонь под деревом. Из запасов угощают огонь-очаг. Варят чай. С собой берут новый [не распакованный] чай, вскипятив чай, им совершают кропление своему Алтаю. Доехав до места, отдохнув, около кедра или берёзы окропляют сваренной едой, угощают, благословения и удачи просят [ОТКА, 2019, с. 312]. Если удалось застрелить косулю, марала, Алтаю говорят такое благопожелание: *Алтайым, карамдабай бердин, / Жеримнинг аны учурады, / Алтай жеримнен алдым* ‘Алтай мой, не пожалев ты дал, / Земли моей и зверь встретился, / С Алтая, от земли моей, я взял’ [Там же, 2019, с. 320]. Существовал обычай: если охотник добыл крупного копытного зверя (лося, марала, косулю), то обязан угостить горных духов кусочками сваренного осердия животного. Также горных хозяев кормят кусочками сваренного мяса первой добычи копытного животного. Некоторые охотники при разделке туши голову животного домой не забирают. От головы отделяют нижнюю челюсть. Затем голову зверя оставляют на возвышенности (это может быть большой камень или небольшая скала) в чистом месте — *ару жер* (место, где нет мусора, нет мертвых животных и т. д.), повернув ее на восток. Если шкура добычи никому из охотников не нужна, то ее оставляют в укромном месте, выбрасывать ее нельзя [ОТКА, с. 295, 342–344]. Добытое мясо охотники делят между собой. Селезенку, желудок, голову, сердце, легкие уносит с собой тот, кто добыл. Их нельзя выбрасывать; если выбросить, то в будущем охотнику не удастся добыть косуль [Там же, с. 313].

В алтайском языке лексема *ан* ‘животное, зверь’ является родовым названием всех диких животных, а также оленевых: *ан* ‘олень, марал’, *чоокыр ан* ‘пятнистый олень’. Слово *ан* является пратюркским [СИГТЯ, 2006, с. 152]. В «Алтайско-русском словаре» приводится ряд лексических значений и примеров: *Ан* 1) ‘зверь’; *жерлик андар* ‘дикие звери’; 2) ‘олень’; *жоон ан* ‘крупный олень’; 3) ‘марал’; *ан тудар* ‘держат маралов’; *чоокыр ан* ‘олень пятнистый’; *Аннын мойнын ок кезер, эрдин*

¹ Зап. Н. Р. Ойроткина 14.07.2023 г. в с. Экинур Усть-Канского района Республики Алтай (далее – РА) от В. А. Чырбыкова, 1972 г.р., из рода кыпчак.

² Здесь и далее в статье перевод с алтайского языка наш. – Н. О.

мойнын жок кезер (Погов.) ‘Шею зверя пуля косит, шею мужчины нищета косит’ [АРС, 2018, с. 72]. Лексика, связанная с образом жизни оленевых, разнообразна. В языке существуют специализированные глаголы, обозначающие действия этих животных, например: *чанчы* ‘бить копытом (передней ноги о землю, снег и т.п.)’; *андар јер чанчышты* ‘маралы били копытами о землю’ [Там же, с. 795].

В языковой картине мира для репрезентации образов животных существуют различные способы номинаций: по месту их обитания, внешнему виду, издаванию ими каких-либо звуков. Наиболее доминантные признаки животных входят в лексико-семантическую структуру понятия о зоониме. Мы будем рассматривать денотативные, коннотативные и символические (мифологические) признаки зоонимов, обозначающих оленевых, в алтайской языковой картине мира.

Сыгын ‘марал, олень’. Для пратюркского состояния выделяется – *sygun [СИГТЯ, 2006, с. 152]. Во всех диалектах алтайского языка марал обозначается лексемой *сыгын* / *сыгын* [АРС, с. 624; РТС, 2019, с. 122; РКС, с. 151; ТРС, 1995, с. 77; Баскаков, 1985, с. 198]. Существуют также различные наименования марала, связанные с половозрастными особенностями: *бозу* ‘теленка’; *торбок* ‘бычок’; *мыйгак* ‘маралуха (самка)’; *бала бут* – *эки айры мўўстў* *сыгын* ‘новорожденный детеныш косули’; *казык мўўс* (*сыгыннын эркек торбогы*) ‘одногодковалый теленок марала’; *эки айры элик* ‘двугодовалая косуля’; *тўрт, беи айры* – *эки-ўч јашту сыгын* *андар* ‘с четырьмя, пятью ответвлениями двугодовалые и трехгодовалые маралы’; *сарадак* / *саратак* ‘однолетний марал, маралёнок’ (ср. *сарадак энезиле кожо јўрди* ‘однолетний марал ходил вместе с матерью’ [АРС, 2018, с. 571]). У маралов рога ветвистые, у лося рога более широкие. Чем больше отростков, тем старше животное. Маралы могут иметь от двух до двенадцати ответвлений на рогах (*эки айрыдан от эки айрыга јетире*). Как видим, денотативный признак, указывающий на количество отростков на рогах марала, стал частью наименования животного по возрасту.

По представлениям охотников, многие животные слышат и понимают человеческую речь, поэтому они называли их иносказательными именами. Табуированные наименования марала в охотничьем лексиконе основаны на денотативных признаках зоонима: *боро ан* ‘серый зверь’, *сыбыскы* ‘издающий звук’, *моомо* ‘рогатый’ [Яимова, 1990, с. 109], *айры мўўстў* – букв. ‘с раздвоенными рогами’ и *айры туйгакту* — ‘марал’, букв. ‘с раздвоенными копытами’. Эти эвфемизмы используются до сих пор современными охотниками, приведем текст рассказа: ...*сыгынды* — *айры мўўстўлерден, айры туйгактулардан келиштирген болсоор*» деп, *барын сангын салып, јаламасын буулап, чачын турар бйдо анайып айт јат, алканып јат*³ ‘...марала – «с раздвоенными рогами, раздвоенными копытами» называют, разведя жертвенный огонь, привязав ленту-*дылама*, окропляют [чаем] и просят благословения’. В алтайских загадках бурый окрас марала отождествляется с пламенем огня: *Элип-эдип јўжўрди, / Эки сыгын согушты* (Јалбыш). ‘Гонясь друг за другом, / Два марала бодаются’ (Пламя) [АЗ, 1981, с. 91]. Метафорическим обозначением оленя также служит другой зооним – *ат* ‘конь’, хотя маралов алтайцы не используют в качестве транспортного средства: *Сур адымды минип болбодым, / Сур камчымды тудуп болбодым* (Сыгын ла јылан). ‘Не смог сесть на светло-серого коня, / Не смог взять в руки светло-серую плетть’ (Марал и змея) [АЗ, 1981, с. 44].

Появление отметин под глазами у марала объясняется в этиологической легенде. Кудай (Бог), собрав всех животных, раздавал дышащим живым существам жизнь, только рыба с круглой головой (налим) не пришла на это собрание. Марал, узнав о своей жизни-судьбе, возвращался домой. Повстречавшаяся ему в пути рыба спросила: «Ум-хитрость кому дали?» Марал ответил, что ум дали человеку (букв. *айры бутка* ‘двуногому’). Тогда рыба с круглой головой стала убеждать марала, что теперь их жизни грозит опасность от человека, который может, выследив, сварить их в котле. Услышав это, марал заплакал, от слез два глаза из четырех у него высохли. Поэтому у него такая впадина от глаз есть [НПА, 2011, с. 141–143]. По другой версии мифа, у марала раньше было четыре глаза. «Женщина села доить корову. Подошел к ней человек и говорит: “Я испугаю твою корову, и она превратится в оленя”. Женщина говорит: “Не делай этого, я останусь без кормилицы”. Но этот человек все-таки сделал, что хотел. Корова превратилась в оленя и побежала. Хозяйка успела ей вслед плеснуть молока. Молоко попало на холку коровы. На этом месте образовалось белое пятно – признак того, что олень произошел от коровы» [ЛСА, 1994, с. 47].

³ Зап. Н. Р. Ойноткинова 22.05.2015 г. в с. Теленгит-Сортогой Кош-Агачского района РА от А. Т. Балычкинова, 1950 г.р.

В начале осени начинался гон у маралов, во время которого охотились на самцов маралов способом подманивания, подражая крикам марала с помощью трубы – *амырга*, *авырга* (также *абырга* или *пырга*) [ОТКА, 2019, с. 286]. *Күскиде амыргылап јат на сыгынды. Сыгын үүр бедиреп, кижиге мантап кел јат на. Ыскө сыгыннын үүрин блаларга келтран на. Мантап келзе, анчылар оны адып алтран на. Ол јаман*⁴ ‘Осенью маралов манком заманивают. Марал ищет самку, прибегает к человеку. Самка другого марала прибегает. Когда прибежит, охотники застрелят. Это плохо’. Название этого животного использовано в концептуализации хрононима: южные алтайцы называют сентябрь *сыгын ай* ‘месяц марала’ (ср. *курап ай* ‘месяц косули’, т. е. август). Название, несомненно, появилось впервые в охотничьем лексиконе. Как считают некоторые охотники, мясо хвоста маралухи является лекарством от заболеваний желудочно-кишечного тракта: *Мыйгакты куйругын кезип, јылуга јиш, желудокко јараар деп айдыжар*⁵ ‘Хвост маралухи, отрезав, едят теплым, говорят, что для желудка полезен’. Если охотнику удастся увидеть оленюху (*мыйгак*), только что родившую детеныша, то он может отрезать немного плоти от пуповины, которую потом используют как амулет удачи.

Одним из способов номинации животного является фиксация в языке характерных для этого животного звуков. Для обозначения звуков марала используются разные глаголы: *буста* ‘реветь, орать’ (о животных); *сыгыннын бустажы* ‘рёв марала’ и *сыйтылда* ‘издавать писк’: *Сыгындардын сыйтылдууш јүндери анан-мынан угула берди* (Э. Тоюшев) ‘Там-сям слышались писклявые голоса маралов’ [АРС, 2018, с. 135, 899].

Охотники всегда знают, где обитают маралы, поэтому на основе зоонима *сыгын* ‘марал, олень’ образовано множество топонимов, например: *Сыгын Мүйс* ‘Рог Марала’ – урочище, расположенное недалеко от с. Купчегень Онгудайского района; *Сыгын Эткен* ‘Местность, где кричал марал’ – гора у с. Паспарты в Улаганском районе; гора *Сыгын* (букв. марал) в Чойском районе [ТРА 4, 2022в, с. 153, 43]. Топоним *Ээрлү Сыгын* ‘Марал с седлом’ появился на основе рассказа одного охотника, который утверждал, что он видел марала с седлом, на котором ехал дух-хозяин местности (*јердин ээзи*)⁶. Наименование животного встречается и в названиях некоторых растений: *сыгын-от* ‘маралий корень’; *сыгын-отты јуур* ‘собирать маралий корень’ [АРС, 2018, с. 624].

Коннотативные значения зоонима связаны с выражением значений «сильный», «отважный», «красивый». Л. Н. Тыбыкова, изучив коннотации, связанные с данным зоонимом, пришла к выводу, что в языковом сознании алтайцев зоо-образ *сыгын* ‘марал’ считается символом мужской красоты, мощи, статности, доблести и бесстрашия, а *элик* ‘косули’ – символом женской красоты [Тыбыкова, 2022, с. 341]. Так, в мифе-сказке «Обида марала» («*Ан тарынганы*») маралу дается эстетическая оценка *ја-раш* ‘красивый’: «...все звери собрались, чтобы выбрать своего правителя (зайсана) из самых красивых, сильных, быстроногих. Марал примчался. Сколько зверей было, все обернулись посмотреть на бурого марала. Удивились красоте бурого марала. Строил здесь *красавец марал* с шестью ветвистыми рогами, передние и задние ноги тоненькие, шерсть блестящая, оба глаза поблескивают, язык высунул, передние зубы белеют (курсив наш. – Н. О.). Увидевшие его звери стали завидовать красоте бурого марала» [АНС, 2001, с. 75]. В народных песнях марал – это символ силы, отваги, поэтому в образных параллелизмах стадо маралов сравнивается с отрядом воинов: *Сынды тѳѳмѳн јелерде, / Сыны тѳнгей сыгындар, / Сыр јангарла ѳѳѳрдѳ, / Ыни тѳнгей үүрелер* ‘Когда вниз по хребту гор рысью бегут, / С одинаковыми хребтами маралы, / Когда во всю с *дѳангаром* проходят, / С одинаковыми голосами друзья’ [АНП, 2023, с. 521]. В другом контексте признак (сема) «крупный, мощный» актуализируется в образе мужчин, которых хрупкая девушка-медсестра таскает на себе из-под огня: *Је мени кичинек дебе. Сыгынды ѳѳѳндѳрди октон-оттон чыгара сүүртеп туратам* ‘Ты не смотри, что я маленькая. Как маралы, мужчин из огня и пуль вытаскивала на себе’ [Тыбыкова, 2022, с. 341]. В следующем контексте с маралом сравнивается выносливый, сильный парень: *Ощепковко јакшы – сыгын ошкош јиштен артпайт* ‘Ощепкову хорошо – не отстает от похожего на марала молодого парня’ [Там же].

Другие коннотации зоонима, в частности в пословицах и поговорках, связаны со сравнениями, выражающими оценку качеств человека. Так, образ рогатого марала сопоставляется с бесстыдным человеком, так как бесстыдство, как и появление рогов у животного, являются приобретенными качествами: *Сыра-*

⁴ Зап. Н. Р. Ойоткинова 20.07.2023 г. в с. Чибилу Улаганского района РА от А. И. Язарова, 1959 г.р.

⁵ Зап. Н. Р. Ойоткинова 21.07.2023 г. в с. Саратан Улаганского района РА от А. Я. Белешева, 1955 г.р.

⁶ Зап. Н. Р. Ойоткинова 20.07.2023 г. в с. Кара-Кудьюр Улаганского района РА от Г. Д. Санина, 1966 г.р.

дый сын сыгында бүйкен, / Сыйрылбас жүс сенде бүйкен ‘С жердь ростом марал создан, / С гладким лицом ты создан’ [АПП, 2010, с. 37]. Рога и отсутствие стыда – приобретенные свойства живых существ, хотя они относятся к разным сферам бытия, физическому и духовному. Когда человек надеется на кого-либо что-то, то поговаривают: *Ижгенген тууда сыгын жок* ‘На горе, на которую надеялся, марала нет’. Поговорка появилась в речи охотников, впоследствии в речи обрела метафорический смысл.

В алтайской традиционной культуре мифологическая символика образа оленя имеет сакральное значение: это священное животное Алтая, олицетворение его духа-хозяина. Мифологема о зооморфном облике духа-хозяина Алтая, появляющегося в облике белого оленя [Тюхтенева, 2009, с. 101], хорошо проиллюстрировано в сказаниях алтайцев. В эпосе «Маадай-Кара» встречается архаичное представление о превращении богатыря и его коня в оленей: *Алтайына келген мынча / Көбөн жалду көк төр боро / Тогузон айры ол дор мүүстү Жорго кара сыгын болуп / Кубула бербей эмди кайтты. / Көзүдей-Мерген баатыр уулым / Жетен айры бу ла мүүстү / Желмер кара сыгын болуп бу кубулды* [Маадай-Кара, 1978, с. 168]. ‘Как только прибыли на свою землю, / Хлопкогровый, темно-сивый [конь] / В черного марала / С рогами, имеющими девяносто ответвлений, Обратился. / Когюдей-Мерген, молодой богатырь, / В черного лохматого марала / С рогами, имеющими семьдесят ответвлений, обратился’ [Маадай-Кара, 1978, с. 356].

Марал – тотемное животное рода кыпчак. Эту архаичную мифологему о происхождении представителей этого рода от зооморфного предка отмечают немногие алтайцы, наиболее распространенной является мифологема о происхождении кыпчаков от волчицы: *Кажы ла сөбөктө байаналу анкужы бар. Оны атпас керек. Менин балдарым кыпчактар. Байаналу анкужы ол ан. Ан туштаза атпагар, – деп айдып жадым. Кандый да болзо, жуукта келзе, атпагар. Ол жаан кинчек болор, жарабас адарга* ‘У каждого рода есть тотемные звери-птицы. В них нельзя стрелять. Мои дети кыпчаки. Их тотемное животное – марал. Если встретите марала, не стреляйте, – так говорю. Как бы ни было, подойдёт близко, не стреляйте. Это будет большой грех, нельзя стрелять’ [ОТКА, 2019, с. 313]. Если охотники в горах встречали марала, то не стреляли, так как считалось грехом убивать животное, которое само прибежало к человеку. Как правило, они бегут от какой-то опасности, ища убежище.

Булан ‘лось’. Слово является пратюркским – *bulan [СИГТЯ, 2006, с. 154]. Диалектные варианты слова в алтайском языке: *булан* (алт., тел.) [АРС, 2018, с. 131;], *пылан* (телеут.) [ТРС, 1995, с. 70], *план* (чал., кум.) [АФ, 1988, с. 165; РКС, 2021, с. 148], *пылан* (туб.) [РТС, 2019]. Половозрастные наименования лося в алтайском языке: *тижи булан* ‘самка лося’, *буланнын боозузы* ‘теленок лося, лосенок’.

У лося негустой шерстяной покров, красивые большие рога. Строение черепа лося отличается от строения черепа других парнокопытных животных. Эта особенность использована в загадках, в которых с щекой булана сравнивается месяц: *алт. Тошто буланнын жаагы жадыры (Ай)*. ‘На льду лежит челюсть лося’ (Луна) [АЗ, 1981, с. 18]; *туб. Пуста буланнын жаагы жактап калтыр (Ай)*. ‘Ко льду примерзла челюсть лося’ (Месяц) [АЗ, 1981, с. 143].

В верованиях алтайцев лось считается священным животным, на него старались не охотиться. *Бистин улус булан андабас. Байлан жүрер. Жаан улустын айтканыла, мынай айдар: «Булан андабас, коп кырага жарабас, ол кижинин толунтызына бартан неме» – деп. Көн атпас deer⁷* ‘Наши люди на лосей не охотятся. Придерживаются запретов. Старые люди говорили: «На лосей нельзя охотиться, много убивать нельзя, они на обмен души человека идут». Много нельзя убивать, говорили’. Особенно остерегались те семьи, в которых росли мальчики. Такой стереотип отражен в следующем рассказе: *Эр кижини булан атпас deer. Келинсе адар, анай тегин атпас. Эр кижинин угына учурлу неме. Көн атпас deer, анай байлантран. Булан бисте ас көрүнөр. Булан састу жерлер сүүр ан... Обычай бар, бис марттан ала майга жетире тижизин атпай жадыс, ол өйдө андар балдарын чыгарып жат⁸* ‘Мужчина не должен охотиться на лося. Если встретится [на охоте], а так просто не стреляют. Значимый для мужского рода зверь. Много не стреляют, говорят, так почитают его. У нас лосей редко увидишь. Лоси любят болотистые места... Существует традиция, мы с марта по май на самок лосей не охотимся, в эту пору животные рожают своих детенышей’.

По рассказам охотников, лосей в Горном Алтае немного, постоянного места обитания у них нет, любят болотистые места, часто мигрируют. В чалканской сказке «Спор» («Марган») объясняется, почему лось обитает на равнинной местности. Так, кабарга и лось поспорили: у кого больше шерсти.

⁷ Зап. Н.Р. Ойноткинова 14.07.2023 г. в с. Экинур Усть-Канского района РА от В. А. Чырбыкова, 1972 г.р.

⁸ Зап. Н.Р. Ойноткинова 14.07.2023 г. от А.В. Чырбыкова в с. Экинур Усть-Канского района РА, 1996 г.р.

Лось проиграл пари, с тех пор, говорится, кабарга стала жить на скалистых местах, а лось носится по ровной местности [АФ, 1980, с. 166]. Та местность, где люди видели лосей, фиксировалась в языке, и от зоонима образовались топонимы: *Буланду* ‘Местность с лосями’ в Улаганском районе, *Буландык* букв. ‘с лосями, имеющий лосей’ – лог недалеко от с. Теньга Онгудайского района, *Буландык-Бажы* букв. ‘верховье *Буландык*’ – урочище близ перевала *Jaан-Боочы* [ТРА 2, 2022а, с. 58, 63], *Буланак* букв. ‘лосенок’ – урочище, ручей в Чойском районе [ТРА 4, 2022в, с. 49].

В песенной традиции алтайцев образ лося, как и образ марала, символизирует красоту, силу, отвагу: *Ай кара жыштын түбинде / Карга пудырбас пулан палазы. / Калык арада жүргенде, / Сөскө пудатпас ада палазы. / Түн кара жыштын түбинде / Муска пудырбас пулан палазы. / Тушман арада жүргенде, / Тилге жендирбес көкшин палазы* ‘В глубине тёмного-претёмного леса / Снегу путь преградить себе не даёт лосёнок. / Когда среди народа живёт, / Словом пресекать себя не даёт дитя отца. / В глубине ночного тёмного леса / Льду путь преградить себе не даёт лосёнок. / Когда среди чужих живёт, / Словом победить себя не даёт дитя старца’ [АНП, 2023, с. 259–260].

Лось как персонаж популярен, образ этого копытного хорошо представлен в фольклоре чалканцев. В сказках-мифах образ лося передает различные аллегорические смыслы, связанные с морально-этическими свойствами человека. Лось соревнуется с разными животными: оленем, кабаргой, лошастью и даже с тайменем. Зоонимическому персонажу приписываются такие признаки, как «красноречивый», «большой, но глупый». Так, в тексте «Лошадь и лось» («*Ат ле план*») повествуется о том, что животные поругались, они спорят друг с другом, оба оказались красноречивыми, поскольку каждый имеет свои проблемы и жизненные трудности: лось говорит лошади, что человек стреноживает лошадь, бьет ее по голове поводком, а лошадь говорит лосю, что на лося охотится человек [Там же, с. 167]. В сказке «Кабарга и лось» («*Тоорго ло план*») этот крупный зверь спорит с кабаргой, кто первым увидит на закате солнце. Кабарга легла лицом к западу, а лось лег лицом к восходу солнца, и кабарга увидела солнце раньше [Там же, с. 166]. Зооморфные образы служат для противопоставления их по признакам «умный – глупый». В тексте «Лось и олень» («*План ле сыгын*») через образы животных осуждается человеческое хвастовство. Лось и олень, как бы ни хвастались своими достоинствами, оказались разными: у оленя быстрые ноги, а у лося красивые рога [АФ, 1988, с. 165].

Выводы

Таким образом, нами рассмотрены лингвокультурные особенности зоонимов, обозначающих представителей семейства оленевых в алтайском языке. Выделены лексемы, обозначающие представителей оленевых, рассмотрены их денотативные, коннотативные и символические значения, а также фольклорно-этнографический контекст. Анализ оленевых в традиционной культуре алтайцев позволил выделить сакральную роль этих животных. В охотничьем фольклоре представителям семейства оленевых придается сакральное значение: они считаются священными животными Алтая, олицетворениями духа-хозяина Алтая. Олень отождествляется с духом-хозяином горы, и даже Алтая, убийство лося требует откупа, обмена на душу живого человека. Магический смысл придается оленю с белым окрасом. В связи с этим в охотничьей этике выработалась целая система запретов и табу, которые стараются соблюдать, чтобы избежать негативных последствий.

В художественной литературе алтайцев олень и лось стали зооперсонажами, их образы используются в сюжетах об охоте, а также для оценочных сравнений и метафор о человеке. В фольклорных текстах, в сказках и мифах, делаются акценты на внешние особенности животных: выделяются денотативные признаки зоонимов, объясняющие особенности строения тела или окраса, места обитания этих диких животных.

В языковом сознании носителей языка и культуры алтайцев олень и лось ассоциируются с мужской силой, отвагой. Эти сравнительные ассоциации и метафоры широко представлены в художественных и фольклорных произведениях, а также в речи носителей алтайского языка. В сказках и пословицах алтайцев эти зоонимы репрезентируют коннотативные значения, связанные с морально-этической оценкой человека. Здесь ярко проявляется взаимодействие зоонимического и антропоморфного кодов языка и культуры. Выявлены зоонимы-оленьевые, участвующие в концептуализации пространственных и временных понятий: хрононимов (*сыгын ай* ‘марала месяц’) и топонимов, указывающих на места обитания лосей или оленей.

Список литературы

- АЗ – Алтайские загадки = Алтай табышкактар / Сост. К. Е. Укачина. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1981. 176 с.
- АНП – Алтайские народные песни. (Рукопись) / Сост. М. А. Демчинова, Г. Б. Сыченко. Новосибирск, 2022. 947 с. +14 с. вкл. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 35).
- АНС – Алтайские народные сказки // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / Сост. Т. М. Садалова. Новосибирск: Наука, 2002. 455 с., ил. и компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 21).
- АПП – Алтайские пословицы и поговорки = Алтай кеп ле укаа сөстөр / Сост. Н. Р. Ойроткинова. Новосибирск, 2010. 268 с.
- АРС – Алтайско-русский словарь / Отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
- АФ – Алтайский фольклор / Сост. Е. П. Кандаракова. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1988. 216 с.
- Бартминьский Е. Языковые стереотипы // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. С. 158–187.
- Бартминьский Е. О «Словаре народных стереотипов и символов» // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. С. 68–86.
- Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи): грамматический очерк, тексты, переводы, словарь / Отв. ред. К. М. Мусаев; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Наука, 1985. 231 с.
- КРС – Кумандинско-русский словарь: ок. 10 000 слов / Сост. Л. М. Тукмачев, М. Б. Петрушова, Е. И. Тукмачева. Бийск: Бийск. котельщик, 1995. 150 с.
- ЛСА – Легенды Северного Алтая / Сост. Е. П. Кандаракова. Горно-Алтайск, 1994. 88 с.
- НПА – Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойроткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с.; ил. + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).
- ОТКА – Обрядность в традиционной культуре алтайцев. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2019. 704 с.
- Потанов Л. П. Охотничий промысел алтайцев (Отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2001. 168 с.
- РКС – Русско-кумандинский словарь / Сост. М. Б. Петрушова, В. М. Данилов, ред. Н. А. Дьайым. Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2021. 504 с.
- РТС – Русско-тубаларский словарь / Сост. А. С. Кучукова, ред. С. Б. Сарбашева. Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2019. 384 с.
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.
- ТРА 2 – Топонимика Республики Алтай. Кн. 2: Онгудайский район / Редкол.: канд. ист. наук Н. В. Екеев (отв. ред.), канд. филол. наук Б. Б. Саналова (науч. ред.), канд. филол. наук А. Э. Чумакаев; НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2022а. 202 с.
- ТРА 3 – Топонимика Республики Алтай. Кн. 3: Чемальский район / Редкол.: канд. ист. наук Н. В. Екеев (отв. ред.), канд. филол. наук Б. Б. Саналова (науч. ред.), канд. филол. наук А. Э. Чумакаев; НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2022б. 145 с.
- ТРА 4 – Топонимика Республики Алтай. Кн. 4: Чойский район / Редкол.: канд. ист. наук Н. В. Екеев (отв. ред.), канд. филол. наук Б. Б. Саналова (науч. ред.), Н. Н. Тыдыкова, канд. филол. наук А. Э. Чумакаев; НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2022в. 132 с.
- ТРС – Телеутско-русский словарь / Сост. Л. Т. Рюмина-Сыркашева, Н. А. Кучигашева. Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1995. 119 с.
- Тыбыкова Л. Н. Символика красоты в алтайских зооморфизмах // Этнокультурное наследие народов Алтая. Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию юбилею НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2022. С. 339–353.

Тюхтенева С. П. Земля. Вода. Хан Алтай: этническая культура алтайцев в XX веке. Элиста: Изд-во Калмыц. гос. ун-та, 2009. 169 с.

Щербак А. М. Названия диких и домашних животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 82–172.

Яимова Н. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типогр., 1990. 169 с.

References

Altayskie narodnye pesni [Altai folk songs]. (Manuscript). M. A. Demchinov, G. B. Sychenko (Comps.). Novosibirsk, 2022. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 35). 947 p. (In Altai, in Russ.).

Altayskie narodnye skazki [Altai folk tales]. T. M. Sadalova (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 2002, 455 p., il. and CD. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 21). (In Altai, in Russ.).

Altayskie posloviцы i pogovorki (Altaj kep le ukaa söstör) [Altai proverbs and sayings]. N. R. Oinotkinova (Comp.). Novosibirsk, 2010, 268 p. (In Altai, in Russ.).

Altayskie zagadki = Altai tabyshkaktar [Altai riddles]. K. E. Ukachina (Comp.). Gorno-Altaysk, Gorno-Alt. otd. Alt. kn. izd., 1981, 176 p. (In Altai, in Russ.).

Altayskiy fol'klor [Altai folklore]. E. P. Kandarakova (Comp.). Gorno-Altaysk, Gorno-Alt. otd. Alt. kn. izd., 1988, 216 p. (In Chalk., in Russ.).

Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian dictionary]. A. E. Chumakaev (Ed.). Gorno-Altaysk, 2018, 936 p. (In Altai, in Russ.).

Bartminsky E. O "Slovarе narodnykh stereotipov i simvolov" [About the Dictionary of folk stereotypes and symbols]. In: *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [Linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics]. Moscow, Indrik, 2005, pp. 68–86. (In Russ.).

Bartminsky E. Yazykovye stereotipy [Language stereotypes]. In: *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [Linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics]. Moscow, Indrik, 2005, pp. 158–187. (In Russ.).

Baskakov N. A. *Severnye dialekty altayskogo (oyrotskogo) yazyka: Dialekt lebedinskiykh tatar-chalkantsev (kuu-kizhi): Grammaticheskiy ocherk, teksty, perevody, slovar'* [Northern dialects of the Altai (Oirots) language: Dialect of the Lebedinsky Tatars-Chalkans (Kuu-kizhi): Grammatical sketch, texts, translations, dictionary]. K. M. Musaev (Ed. in. Ch.). Institut yazykoznaniya AN SSSR, Moscow, Nauka, 1985, 231 p. (In Russ.).

Kumandinsko-russkiy slovar': okolo 10 000 slov [Kumandin-Russian dictionary: approx. 10,000 words]. L. M. Tukmachev, M. B. Petrushova, E. I. Tukmacheva (Comps.). Biysk, Biyskiy kotelshchik, 1995, 150 p. (In Kum., in Russ.).

Legendy Severnogo Altaya [Legends of Northern Altai]. E. P. Kandarakova (Comp.). Gorno-Altaysk, 1994, 88 p. (In Russ.).

Neskazochnaya proza altaytsev [Non-folktale prose of the Altaians]. N. R. Oinotkinova, I. B. Shinzhin, K. V. Yadanova, E. E. Yamayeva (Comps.). Novosibirsk, Nauka, 2011, 576 p. (in Altai and Russ.) il. and CD. (Pam'atniki folklora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 30) (In Altai, in Russ.).

Obryadnost' v traditsionnoy kul'ture altaytsev [Ritualism in the traditional culture of the Altaians]. Gorno-Altaysk, S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics, 2019, 704 p. (In Altai, in Russ.).

Potapov L. P. *Okhotnichiy promysel altaytsev (Otrazhenie drevne-tyurkskoy kul'tury v traditsionnom okhotnich'em promysle altaytsev)* [Hunting trade of the Altaians (Reflection of the ancient Turkic culture in the traditional hunting trade of the Altaians)]. St. Petersburg, MAE RAS, 2001, 168 p. (In Russ.).

Russko-kumandinskiy slovar' [Russian-Kumandin dictionary]. M. B. Petrushova, V. M. Danilov (Comps.), N. A. D'ayym (Ed.). Gorno-Altaysk, Altyn-Tuu, 2021, 504 p. (In Russ., in Kum.).

Russko-tubalarskiy slovar' [Russian-Tubalarian dictionary]. A. S. Kuchukova (Comp.); S. B. Sarbasheva (Ed.). Gorno-Altaysk, Altyn-Tuu, 2019, 384 p. (In Russ., in Tub.).

Shcherbak A. M. Nazvaniya dikikh i domashnikh zhivotnykh v tyurkskikh yazykakh [Names of wild and domestic animals in the Turkic languages]. In: *Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskikh yazykov* [Historical development of the vocabulary of the Turkic languages]. Moscow, Izd. AN SSSR, 1961, pp. 82–172. (In Russ.).

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Pratyurkic language-basis. The world picture of the Pratyurkic ethnos according to the language data]. E. R. Tenishev, A. V. Dybo (Eds.). Moscow, Nauka, 2001, 822 p. (In Russ.).

Teleutsko-russkii slovar' [Teleut-Russian dictionary]. L. T. Ryumina-Syrkasheva, N. A. Kuchigasheva (Comps.). Kemerovo, Kem. kn. izd., 1995, 119 p. (In Teleut, in Russ.).

Toponimika Respubliki Altay. Kn. 2. Ongudaiskiy rayon [Toponymy of the Republic of Altai. Bk. 2. Ongudaysky district]. N. V. Ekeev, B. B. Sanalova, A. E. Chumakaev (Eds.); S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics. Gorno-Altaysk, 2022a, 202 p. (In Altai, in Russ.).

Toponimika Respubliki Altay. Kn. 3. Chemal'skiy rayon [Toponymy of the Republic of Altai. Bk. 3. Chemalsky district]. N. V. Ekeev, B. B. Sanalova, A. E. Chumakaev (Eds.); S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics. Gorno-Altaysk, 2022b, 145 p. (In Altai, in Russ.).

Toponimika Respubliki Altay. Kn. 4. Choiskiy rayon [Toponymy of the Republic of Altai. Bk. 4. Choi district]. N. V. Ekeev, B. B. Sanalova, N. N. Tydykova, A. E. Chumakaev (Eds.); S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics. Gorno-Altaysk, 2022v, 132 p. (In Altai, in Russ.).

Tybykova L. N. Simvolika krasoty v altayskikh zoomorfizмах [The symbolism of beauty in the Altai zoomorphisms]. In: *Etno-kul'turnoe nasledie narodov Altaya. Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letnemu yubileyu NII altaistiki im. S. S. Surazakova* [Ethnocultural heritage of the peoples of Altai. Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference dedicated to the 70th anniversary of S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics]. Gorno-Altaysk, 2022, pp. 339–353. (In Russ.).

Tyukhteneva S. P. *Zemlya. Voda. Khan Altay: etnicheskaya kul'tura altaytsev v 20 veke* [Earth. Water. Khan Altai: ethnic culture of the Altai people in the 20th century]. Elista, KalmSU, 2009, 169 p. (In Russ.).

Yaimova N. A. *Tabuirovannaya leksika i evfemizmy v altayskom yazyke* [Taboo vocabulary and euphemisms in the Altai language]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskaya Tip., 1990, 169 p. (In Russ.).

Рукопись поступила в редакцию

The manuscript was submitted on

06.09.2023

Сведения об авторе

Ойноткинова Надежда Романовна – доктор филологических наук, доцент кафедры алтайской филологии факультета алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия)

E-mail: sibfolklore@mail.ru

ORCID 0000-0002-5767-7085

Information about the Author

Nadezhda R. Oinotkinova – Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Altai Philology, Faculty of Altaic and Turkic Studies, Gorno-Altaysk State University (Gorno-Altaysk, Russian Federation)

E-mail: sibfolklore@mail.ru

ORCID 0000-0002-5767-7085